

родном городе во вновь образованной труппе. Его партнерами в течение долгого времени были выдающаяся провинциальная актриса Любовь Млотковская и Карп Соленик, поражавшие современников сценической простотой и искренностью... Вскоре Николая замечает критика: «Игра его всегда обдуманна, – пишет в 1840 году рецензент журнала «Пантеон», – мимика соответствует словам, с которыми согласено выражение лица, нет утрированных жестов и восклицаний. В патетических местах он невольно увлекает и заставляет зрителя забыть. Его благородный, мужественный вид, воодушевленность, голос, полный страсти и чувства, действуют на душу и нередко исторгают слезы. От него много можно ожидать в будущем». С 1841 года Рыбаков становится актером-гастролером, актером-«бродягой», неся вдохновение «средним» городам и даже ярмаркам – Роменской, Коренной, Кременчугской. В своих скитаниях Николай Хрисанфович не забывал и «малую родину», выступая в Курске. К тому времени он завоевывает любовь публики, становится ее кумиром, воплощая те персонажи, которые в Москве играл Мочалов, а в Санкт-Петербурге – сам Каратыгин (Ляпунов, Кин, денщик Петра Великого, Лир, Отелло, Шейлок). О Рыбакове-Гамлете свидетельствует мемуарист: «Зрители забывали, что они в театре, и переживали с ним вместе весь ужас человеческих страстей. Театр, переполненный сверху донизу, как говорится, яблоку негде было упасть, замер в сосредоточенной, напряженной тишине, изредка нарушаемой чьим-нибудь подавленным вздохом. И Рыбаков, как маг, как волшебник, завораживал толпу своей игрой, может быть, и сам того не сознавая. Такова сила таланта». Гамлет, знаменитейшая из ролей трагика, десятилетиями владел вниманием провинции не потому, что актер «своими криками и отчаянной жестикуляцией умел наводить небывалый ужас на зрителей, падал и умирал очень эффектно, и, наконец, дрался (с Лаэртом), как истинный гладиатор», а более всего благодаря покорявшей зрителя правде переживания. Один из молодых партнеров Рыбакова вспоминал позже о встрече с Николаем Хрисанфовичем в начале 60-х годов: «Играл он при мне уже лет пятидесяти Гамлета, весь театр заплакал. Да, действительно, весь театр плакал, и я, играя с ним Розенкранца, тоже плакал». Талант актера расцвел в пьесах Островского, где Николай Хрисанфович с большим успехом появлялся в ролях почти исключительно купцов-самодуров, только в «Лесе» был трагиком Несчастливцевым.

Согласно сохранившемуся преданию, когда на бенефисе Рыбаков дошел до слов «Сам Николай Хрисанфыч...» и сделал паузу, собираясь как обычно, заменить свое имя именем Корнелия Полтавцева, тоже провинциального актера, раздался голос Островского: «Играй по тексту». Вообще персонажи Островского – вершина творческой зрелости артиста, дружески близкого с драматургом, разделявшего его взгляды на театр.

В некоторых пьесах Рыбаков играл по несколько ролей. Так в «Гамлете» – не только заглавную, но и Тень отца Гамлета, Гильденстерна и Клавдия, в «Ревизоре» – Хлестакова, Ляпкина-Тяпкина и Землянику, в «Горе от ума» – Чацкого и Репетилова. Выступал он и в пушкинских